

На правах рукописи

Пинженина Екатерина Игоревна

АВТОР И ГЕРОЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. А. ГОНЧАРОВА
(СТРУКТУРА ТЕКСТА И ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ)

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Красноярск 2011

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Института филологии и языковой коммуникации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Ковтун Наталья Вадимовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Плеханова Ирина Иннокентьевна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Проскурина Елена Николаевна

Ведущая организация:

Учреждение Российской Академии наук
Институт русской литературы «Пушкинский Дом» (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится 26 сентября 2011 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 6, улк. ИНиГ, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан «   » августа 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Будущий 2012 год – год 200-летия со дня рождения Ивана Александровича Гончарова, а значит, и время подведения промежуточных итогов развития гончароведения. В науке о писателе, несмотря на более чем полуторавековую историю, изыскания продолжают идти во множестве направлений, не складываясь в крупные школы. Однако, на наш взгляд, существует проблема, отзываясь на которую, исследователь так или иначе подключается к одной из двух основных тенденций гончароведения, связанных с решением проблемы воплощения личности писателя в его произведениях. Ряд критиков (В. Г. Белинский, Д. И. Писарев, Е. А. Соловьев-Андреевич, И. Ф. Анненский, Н. Кадмин) традиционно считает Гончарова художником «золотой середины», объективным и умеренным во всём, что касается авторского вмешательства в текст. Находятся сторонники такого взгляда на Гончарова и среди коллег-писателей (А. П. Чехов, Д. С. Мережковский), и среди современных гончароведов (М. В. Отрадин, А. М. Буланов, Е. А. Краснощёкова, В. И. Мельник).

Оппонируют им другие, полагающие, что писателю была свойственна экспрессивность, эмоциональная неустойчивость, вообще характерная для человека искусства, а «присутствие» его личности в произведениях – очевидно и почти бесспорно. Первые опыты поиска личностных проявлений Гончарова в его текстах относятся ко времени прижизненных критических отзывов на романы. В силу неразработанности категории автора в науке XIX – начала XX века личность писателя могла обнаруживаться в произведении через эксплицитно выраженное субъективное отношение автора к героям (Н. В. Шелгунов) или прямые биографические схождения (Е. А. Ляцкий). Промежуточную позицию занимает Ю. И. Айхенвальд. Критик утверждает, с одной стороны, что Гончаров устами Райского так много толкует о страсти именно потому, что сам ее не испытал. С другой – что произведения писателя крайне репрезентативны для выявления черт его личности, а объективность, столь часто обнаруживаемая критиками и литературоведами, – мнимая.

Суждения исследователей подчас опираются на один и тот же материал (художественные произведения, эпистолярный, воспоминания), но сделанные ими выводы прямо противоположны друг другу. Отсутствие единства объясняется особой авторской интенцией – тщательным и последовательным сокрытием собственной духовной личности в текстах. Вероятно, поэтому всегда находились те, кто желал «разгадать» истинную личность писателя (исследования Б. М. Энгельгардта, С. Машинского). В художественных биографиях художника, написанных Ю. Гаецким (1968), В. Н. Есенковым (1985), в рецензии И. Синцова (1986) двойственность Гончарова занимает ключевое место: настоящий ранимый писатель только прятался за маской Обломова или чиновника-цензора, всё время надеясь на прозорливость окружающих.

В. А. Недзвецкий в монографии «И. А. Гончаров – романист и художник» (1992) выстраивает собственную концепцию: Гончаров рисует тотальное засилье обыкновенного в окружающей действительности, называя процесс прозаизацией жизни, а реалистическое искусство – поэзией обыкновенного. Мировоззренческий идеал Гончарова видится во взаимопроникновении и единстве крайностей, дающих человеку ощущение «полноты жизни».

Позиция О. Г. Постнова в монографии «Эстетика И. А. Гончарова» (1997) достаточно сложна. Учёный считает, что попытка писателя найти «золотую середину» провалилась, и определяет цель Гончарова как отыскание середины между крайностями, а его неудачу в том, что он этот синтез не нашёл. Исследования начала XXI века продолжают разгадывать «загадку И. А. Гончарова», обнаруживая несовпадение расхожего представления о писателе и его подлинной душевной жизни (работы В. Н. Криволапова, Е. В. Красновой). Показательно, что ещё в монографии 1925 года «И. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество» В. Е. Евгеньев-Максимов попытался диалектически примирить противоположные взгляды на личность Гончарова и его произведения. Учёный полагает, что субъективный материал объективируется в процессе авторского творчества. Однако для внятного (хотя, вероятно, не окончательного) решения вопроса о соотношении личного и объективного начал в творчестве писателя необходимо обращение к теории автора, поскольку именно неразличение автора-человека и образа автора приводит исследователей к противоречивым выводам.

Категория *автора* является одной из центральных в современном литературоведении. Причём ни одна составляющая литературного произведения не вызывала столько споров. В отечественной филологии начало исследованию авторского сознания, отражённого в художественном тексте, положили В. В. Виноградов и М. М. Бахтин. При всей разности теоретических положений влияние выработанных учеными концепций испытывают С. Г. Бочаров, Б. О. Корман, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Полюсом, противостоящим выявлению авторского «присутствия» в произведении, стала теория «изъятия» автора из текста, выработанная Р. Бартом в эссе «Смерть автора» (1968), распространившаяся в западном литературоведении, но мало затронувшая русскую мысль. Это приводит к тому, что методологическая проблема *автор и текст* в советской, потом российской науке решается по-своему: учёные настаивают на обнаружении в художественном тексте автора-человека.

В 1980-е гг. этот подход вслед за Ю. М. Лотманом и Л. Я. Гинзбург использован в работе И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма». Главная задача исследования – проследить трансформацию человеческого опыта писателя в структуру литературного текста, в поле которого и сделана попытка решить неосуществимые в действительности задачи. В том же методологическом ключе созданы работы Б. Бермана о Л. Н. Толстом, С. Сендеровича и Е. Толстой о А. П. Чехове, В. Н. Топорова о И. С. Тургеневе, А. К. Жолковского о М. М. Зощенко. При

этом необиографический подход далёк от принципиального разделения автора-человека и образа автора, присутствующего в тексте. Отражение личности писателя обнаруживается в текстах напрямую, почти без учёта эстетизирующей роли создателя.

Дифференциация понятий *автор-человек*, *образ автора* и *автор-повествователь* нашла отражение в работах Б. О. Кормана (1922–1983) и его школы. Основными понятиями концепции автора здесь становятся субъект речи и субъект сознания. Обращения к творчеству И. А. Гончарова трижды встречаются в связи с методологией Кормана: статьи Е. М. Таборисской «Автор и герой в романе И. А. Гончарова “Обломов”» (1972), Г. М. Гохштейн «О жанровой природе полифонизма (авторская позиция в романах Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” и И. А. Гончарова “Обломов”» (1978), А. А. Фаустова «Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: “Русалочий” миф в “Обрыве” И. А. Гончарова» (1993).

Классической работой по нарратологии стал систематизирующий труд В. Шмида «Нарратология» (2008). Ключевым понятием методологии является, в первую очередь, *нарратор* – повествователь, рассказчик вне зависимости от жанра. Нарратор понимается как посредник между автором и повествуемым миром. Всеведение автора является привилегией и признаком фикциональности текста. *Конкретный автор* – «реальная, историческая личность, создатель произведения». Важно, что самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него. *Абстрактным автором* назван образ, который содержится в произведении и реконструируется читателем на основе так называемых симптомов, индициальных знаков. Методология В. Шмида в силу своей структурности, обобщающего характера и стала для нас основной. В диссертационном исследовании мы оперируем терминами *абстрактный автор* и *образ автора*, вслед за В. Шмидом считая их синонимичными, в некоторых контекстах используются понятия *авторское сознание* (Б. О. Корман) и традиционное – *авторская позиция*, которые обозначают инстанцию, принципиально несовпадающую с личностью конкретного автора-человека.

Нарративная методология оказалась крайне продуктивной в литературоведении последних десятилетий. В 1990-е – 2000-е годы появилось множество работ, посвящённых проблеме автора в творчестве разных писателей: кандидатские диссертации В. Ю. Назаренко о М. А. Шолохове (1993); А. А. Харитоновой о А. П. Платонове (1993); Т. И. Сидихменевоу о В. Г. Короленко (1993); Е. Ю. Геймбух о И. С. Тургеневе (1995); П. Е. Фокина о Ф. М. Достоевском (1995); Е. А. Иваньшиной о М. А. Булгакове (1998); Е. Г. Барановой о А. Жиде (1999); Е. М. Бондарчук о Б. Л. Пастернаке (1999); М. А. Голованёвой о И. С. Шмелёве (2002); Э. П. Леонтьева о В. М. Шукшине (2004); И. А. Минаевой о Б. К. Зайцеве (2005); Т. Р. Пчёлкиной о А. И. Куприне (2006); С. И. Королёва о Л. Добычине (2008) и докторская С. В. Переваловой о проблеме автора в русской литературе 1970–1980-х годов (1998). Прово-

дятся конференции, издаются сборники: «Автор и текст» под ред. В. М. Марковича и В. Шмида (1996), «Автор. Герой. Рассказчик» (2003) и др. Итоговой на сегодняшний день можно считать работу О. Меерсон «Персонализм как поэтика: Литературный мир глазами его обитателей» (2009).

В отношении творчества Гончарова нарративный подход особенно результативен, категория авторства важна принципиально. Существуют несколько попыток приближения к анализу произведений писателя в рамках нарратологии. Статья Н. М. Нагорной в сборнике «И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвящённой 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова» (1998) рассматривает повествовательную структуру в «Обыкновенной истории» как точки пересечения сфер повествователя и персонажа, но исследование не охватывает другие тексты художника. Работа Г. Димент (G. Diment) “The Autobiographical Novel of Co-Consciousness. Goncharov, Woolf and Joyce” (1994) отчасти посвящена рассмотрению нарративной структуры романа «Обломов». Диссертационное исследование М. С. Воробьёвой «Повествовательная система в романах И. А. Гончарова» (2005) направлено на выявление авторской позиции, выраженной в стиле текстов писателя: речи повествователя и речи персонажей, а также определению функции образа читателя.

Итак, вопрос о соотношении автора и героя в творчестве Гончарова, несмотря на всю свою актуальность, остаётся до сих пор не прояснённым. Особый интерес постановки и решения проблемы в связи с Гончаровым определяется необходимостью различения писателя-человека и его сокровенного героя (чаще в парадигму сопоставлений попадают Обломов и Райский).

Цель данного исследования – выявление особенностей воплощения образа автора (авторского сознания) в романной трилогии и книге очерков «Фрегат “Паллада”».

Для достижения обозначенной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

1. Выявить специфику субъектного воплощения авторской позиции в «Обыкновенной истории», «Фрегате “Паллада”», «Обломове» и «Обрыве».
2. Доказать репрезентативность композиции художественного мира произведения для выявления авторской позиции, принципиальную важность для текстов писателя структуры «герой в центре».
3. Проанализировать особенности соотношения *абстрактного автора* (авторской позиции) и *конкретного автора* Гончарова.
4. Определить, как связаны *конкретный автор* и авторские маски – литературные и бытовые (Обломов, Райский и др.).
5. Раскрыть значимость системы персонажей для выявления авторской позиции в романном творчестве Гончарова.

Актуальность данной работы определена интересом современного литературоведения к наследию писателей-классиков, чье творчество получает

новые ракурсы изучения, в этом контексте обращение к произведениям И. А. Гончарова с позиции нарратологии особенно показательно, ибо дает возможность откорректировать ставшие хрестоматийными представления об образе художника, его отношении к героям собственных текстов. Кроме того, исследование позволяет уточнить, проверить на новом материале теоретические положения метода.

Научная новизна работы заключается в следующем: впервые субъектные формы выражения авторской позиции в произведениях Гончарова рассматриваются в единстве и эволюции от текста к тексту, подвергается развернутому анализу проблема неразличения Гончарова-писателя и его героев (Обломова, Райского), существующая в предшествующей критической и литературоведческой традиции. В качестве внесубъектных способов выражения авторской позиции представлена типология героев художника, выделены типы персонажей, до сих пор никак не осмысленные критикой, описана устойчивая конструкция художественного мира писателя.

Объектом исследования стали романы Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»; книга очерков «Фрегат “Паллада”». В гончароведении существует инициированное самим писателем представление о единстве трёх романов. Некоторые исследователи рассматривают и «Фрегат...» как один из романов – географический. Мы считаем возможным ограничить круг наших изысканий принципиальными для художника текстами, поскольку они являются наиболее репрезентативными для выявления образа автора в его субъектных и внесубъектных формах.

Предмет исследования – субъектные и внесубъектные способы выражения авторской позиции. Объёмы кандидатской диссертации делают невозможным рассмотрение авторского сознания Гончарова во всей полноте философских, социологических, этических и эстетических аспектов и оценок. Мы ограничиваемся изучением образа автора, проявленного на уровне наррации.

Методологической основой работы стали классические филологические и литературоведческие труды по теории автора (В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна), по нарратологии (Б. О. Кормана, В. Шмида, В. И. Тюпы), мотивологии (И. Силантьева) и типологии характеров (В. М. Марковича), ключевые работы гончароведов, рассматривающих творчество писателя системно, – А. Г. Цейтлина, А. П. Рыбасова, Н. И. Пруцкова, Ю. М. Лощица, Т. И. Орнатской, Е. А. Краснощёковой, М. В. Отрадина, В. А. Котельникова, В. А. Недзвецкого, В. Н. Криволапова, В. И. Мельника, О. Г. Постнова, С. Н. Гуськова, а также обращающих особое внимание на проблему автора и героя – Е. А. Ляцкого, Ю. И. Айхенвальда, И. Ф. Анненского, Л. С. Гейро, Н. А. Гузь. Основные методы исследования – структурный, мотивный, типологический, элементы текстологического анализа.

Отличительной особенностью диссертации является подчеркнутое внимание к текстологии И. А. Гончарова. По замечанию В. И. Тюпы, произведениям художника свойственна «предельная мера целостности, при которой в литературном тексте практически не остаётся “внесистемного материала” (Ю. М. Лотман) – своего рода “наполнителя”, безразличного к общей конструкции целого». Именно этот принцип пристального анализа слова писателя как такового позволяет выявить «сокровенное» *авторское*. Параллельное чтение, сопоставление первоначальной, промежуточных и окончательной редакций романов, рукописных и печатных вариантов, эпистолярия и автокритических статей, исследование авторской правки в процессе работы даёт возможность обнаружения доминирующих мотивных комплексов, системы образов, устойчивых контекстов, обеспечивающих понимание читателем художественного мира Гончарова.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в диссертации предпринят новый подход к изучению наследия Гончарова, опирающийся на современную «теорию повествования», одновременно сделаны наблюдения и выводы по поводу перспективности нарратологических изысканий в применении к отечественной классике.

Практическая ценность исследования: результаты работы могут быть использованы в систематическом труде по проблеме автора в русской литературе, литературной мистификации, включены в лекционные курсы по истории русской литературы XIX века, задействованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров для филологических факультетов вузов как по теории литературы, так и по творчеству Гончарова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В четырёх крупных произведениях писателя наблюдается эволюция субъектных способов выражения *авторской позиции*. Развитие происходит в направлении усложнения, разработки Гончаровым новых ходов, характерных во многом для литературы XX века.
2. Главные репрезентанты *авторского сознания* в художественных произведениях занимают центральное положение в изображаемом мире, стремятся утвердиться в нём, доказать своё право организовывать ценностное пространство вокруг себя. Так формируется устойчивая конструкция художественного мира романной трилогии.
3. Репрезентативной для выявления *внесубъектных форм* выражения авторской позиции в романистике И. А. Гончарова является система персонажей. В художественном мире писателя выявляются тип *героя «без личности»* и *«срединный» герой*.
4. Устойчивая конструкция художественного мира и типология героев представляют собой не исследованные ранее способы циклообразования романной трилогии.
5. *Конкретный автор*, писатель и человек Гончаров, проявляет себя во всех созданных литературных текстах (в широком смысле): в *абстрактном*

авторе художественных произведений, автокритических статей, *образе автора* в эпистолярной литературе. Причём три типа текстов оказываются взаимосвязаны: письма Гончарова и автокритические статьи часто комментируют его художественные произведения, герои романов в свою очередь цитируют эпистолярную литературу. Так происходит взаимопроникновение литературы и жизни, а всё творчество писателя складывается в единый метатекст – повествование художника о самом себе через образную и мотивологическую парадигму, композицию, типологию характеров, стиль. Этим продуцируется и определённая близость *абстрактного автора* Гончарову-человеку.

6. Художественные мистификации Гончарова и примеры самоизображения писателя привели к возникновению устойчивых ассоциаций, закрепившихся в сознании окружения художника. Ключевыми являются параллели Гончаров–Обломов и Гончаров–Райский. Сам писатель одновременно и провоцирует такое представление о себе, и отталкивает маски в тот момент, когда они особенно легко и некритично воспринимаются собеседниками, поскольку любая из литературных масок более ограничена, чем сложная и противоречивая натура творца. Всё это провоцирует проблему непонимания, которая из жизни писателя перешла в мотивологический ряд его художественных произведений.

Апробация работы: основные положения диссертационного исследования были обсуждены на заседаниях Группы по изданию Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова (ИРЛИ РАН «Пушкинский Дом», Санкт-Петербург), а также представлены на научных встречах: XIX Всероссийские Тургеневские чтения (Спасское-Лутовиново, 2008); XLVI Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2008); VI Международная конференция «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск, 2008); Научная конференция «Путешествия в русской литературе» (ИМЛИ РАН, Москва, 2009); VI Крапивенская краеведческая конференция «Провинция в контексте истории и литературы» (Ясная Поляна, 2009); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе» (Пенза, 2009); Всероссийская научно-практическая конференция молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (СФУ, Красноярск, 2010, 2011).

Цель исследования определила **структуру** работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и библиографического списка, включающего 388 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** даётся общая характеристика диссертационного исследования, излагается степень изученности проблемы, обосновывается актуаль-

ность и научная новизна работы, определяется методологическая основа, формулируются цель и задачи, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Авторская репрезентация на уровне структуры текста» посвящена описанию устойчивой конструкции художественного мира Гончарова – с героем в центре. Глава состоит из четырёх параграфов.

В первом параграфе «Способы выражения авторской позиции в романе И. А. Гончарова “Обыкновенная история”» утверждается, что *абстрактный автор* может быть реконструирован на основании анализа образов Петра Ивановича и Александра Адуевых, а также позиции нарратора. Герой первого романа старается занять, как ему кажется, заслуженное положение в центре мира. Без труда, как будто само собой, организуется нужным образом пространство в «Грачах». То же ощущение центрального положения обеспечивает Александру любовь Надиньки Любецкой. Но пунктом устремлений молодого Адуева всё-таки становится Петербург, имеющий в отечественной культуре устойчивую семантику опасного, умышленного города, который персонажу и следует завоевать-покорить. Драматизм положения героя заключается в том, что первенство в домашнем, малом, интимном круге его уже не удовлетворяет, а для центрального положения в «большом» мире не достаёт способностей.

Во втором параграфе «Эволюция точки зрения нарратора в книге очерков “Фрегат “Паллада”» исследуется репрезентативность авторской правки для выявления устойчивой конструкции художественного мира Гончарова. Герой-повествователь первых публикаций позиционирует себя в центре мира: для него сменяющие друг друга страны и континенты – повод выразить собственные впечатления, настроения, суждения. Личностная составляющая книги очерков была очевидна для первых читателей. Основной корпус авторского редактирования приходится на период конца 60-х – начала 70-х годов – время тяжелого, буквально через силу, дописывания «Обрыва», его выхода в свет и последовавшей за этим волны негативных откликов. Смысл редактирования – в изъятии деталей, черт авторской личности. Герой-повествователь становится все более сдержанным, равнодушным. Меняется конструкция мира: нарратор как будто отходит в сторону, сливается с другими путешественниками, сдвигается на периферию мира. Это является прямым следствием изменения характера и настроений *конкретного автора* – И. А. Гончарова. С годами писатель становится более умеренным и мудрым, но и обиженным, и страдающим от непонимания окружающих. *Нарратор* давно завершеного произведения меняется от редакции к редакции вслед за *конкретным автором*.

В третьем параграфе «Конструкция обломовского мира как результат авторского “присутствия” в тексте» проводится мысль о том, что роман «Обломов» имеет принципиальное значение для выявления авторского в художественных произведениях Гончарова: не случайно именно Илья Ильич воспринимается критикой, исследователями как сокровенный герой. И здесь

«присутствие» автора выражено через устойчивую конструкцию художественного мира с героем в центре. Обломов на протяжении всего романа вынужден доказывать своё центральное положение в мире. Источник этого устойчивого желания – в личности *конкретного автора* – Гончарова-человека. Отстаивание уникальности собственной личности, самобытности – важнейшая задача писателя в жизни, которую он передоверяет герою. В свою очередь Обломов стремится найти свидетельства, доказать себе же, что он достоин любви Ольги. Постоянная внутренняя рефлексия персонажа, его нежелание подстраиваться под чужие и чуждые нормы поведения и приводят отношения влюбленных к краху. Безусловное признание значимости собственного бытия, обеспеченное любовью родителей, дружбой Штольца, не в последнюю очередь преданностью Захара, и, наконец, любовью Агафьи Пшеницыной мыслится героем как счастье.

Параллельный сопоставительный анализ эпистолярия Гончарова и романа «Обрыв» в четвёртом параграфе «Репрезентация автора через образ художника (роман “Обрыв”）」 выявил важные сходжения: *абстрактный автор*, образ которого формируется из переписки И. А. Гончарова, и *абстрактный автор* романа, репрезентатом которого выступает Борис Райский, имеют существенные сходства по ряду мотивов. Наиболее важны здесь: скука и хандра, чуткие нервы и избыток фантазии, повышенная чувствительность и эмоциональность, некоторая детскость, крайности в характере, что в совокупности порождает странности в поведении, не всегда ясные окружающим. Всё вместе это обозначается как особый тип личности – «артист», к которому относит себя Гончаров и который исследует в образе Бориса Райского, утверждая, что главная беда таких людей – недостижимость идеала, но и невозможность остановиться в своём поиске.

Определившаяся в «Обыкновенной истории», «Фрегате...» и «Обломове» структура «герой в центре мира» закономерно сохраняется и в последнем романе. Несмотря на то, что три центральные фигуры произведения задумывались И. А. Гончаровым как равнозначные – Райский, Вера и Бабушка – подлинным центром художественного мира становится не герой-мужчина, а героиня – Татьяна Марковна Бережкова. По Гончарову, истинный центр бытия, экзистенциальная основа жизни – женщина-мать, концентрирующая в себе лучшее, что есть в человеке – способность давать / спасать жизнь, жертвовать и прощать, вынести даже «неудобоносимое» горе, выстоять, закрыть собой и защитить всех, кто приходит к Дому. Н. Д. Старосельская высказывает предположение о том, что Гончаров как человек всегда был на периферии жизни¹, может быть, поэтому в его героях так сильны центростремительные тенденции.

Абстрактный автор эпистолярия Гончарова и его тетралогии в совокупности складываются в некое типичного *абстрактного автора* для лите-

---

¹ Старосельская Н. Д. Роман И. А. Гончарова «Обрыв». М., 1990. С. 9.

ратурного текста писателя в широком смысле. Он в определенной степени близок *конкретному автору* – Гончарову-человеку. Этим и объясняется устойчивость психологических состояний и мировоззренческих установок важнейших персонажей художника. В первом романе обнаруживается раздвоенное сознание *автора*, фактически герои представляют собой одного и того же человека в разные периоды жизни. В книге очерков *авторское Я* распадается на несколько ипостасей – обломовец, чиновник, романтик и литератор-мыслитель. В следующем тексте писатель берёт для изучения только одну из масок – Обломова. В итоговом романе исследует другую ипостась, заявленную еще в творческих опытах Александра Адуева и в одной из масок нарратора «Фрегата...» – ипостась художника. Таким образом, в творчестве писателя исследует возможности, противоречия собственной личности. Как пишет В. Шмид, творчество позволяет разложить неделимую человеческую личность на составляющие и проиграть те варианты развития, которые невозможны в реальной жизни².

Вторая глава «Типология героев как способ отражения авторских стратегий бытия («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»)» состоит из двух параграфов и посвящена внесубъектным способам выражения авторской позиции, благодаря которым определяются инвариантные черты гончаровских героев. Объектом изучения в данной главе являются художественные произведения писателя – «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв». На наш взгляд, выявленная типология героев отражает, в терминологии Б. О. Кормана, «вмешательство» автора в текст, т.е., по сути, авторские стратегии бытия.

В первом параграфе «Герой “без личности” и герой со “стёртой” личностью» выявляются не исследованные ранее типы героев в художественном мире Гончарова: Алексеев–Обломов–Райский–Аянов оказываются связанными одной типологией – героя «без личности» / героя со «стёртой» личностью. Появление данного типа у И. А. Гончарова закономерно. Самобытность, самостояние человека были крайне важны для писателя. Самый показательный момент – история ссоры с И. С. Тургеневым и обвинения последнего в плагиате. Неслучайным в интересующем нас отношении оказывается замечание Л. М. Розенблюм в статье, посвященной «Необыкновенной истории» (1875–1878 гг.): «Там, в глубине, таится самая большая боль и обида, которую нанес ему (Гончарову. – *Е. П.*) соперник, потому что, похитив его сокровенные замыслы, посягнул на творческую личность писателя, а значит, и на его человеческую личность»³. Задолго до этого в романах художника («Обломов» и «Обрыв») наблюдаем попытки изображения процесса утраты человеком собственного «лица», и того, как герои отстаивают право на уникальность, «свой» путь.

² Шмид В. Нарратология. М., 2008. С. 52.

³ И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. (Литературное наследство. Т. 102). С. 143.

Герой со «стертой» личностью – особый герой, который не попадал в поле зрения исследователей, хотя его важность в художественном мире Гончарова неоспорима. Характеристики, позволяющие отнести того или иного персонажа к указанному типу, таковы:

1. Описание по типу «ни то – ни то» или как вариант «минус-приём», благодаря чему персонаж оказывается как будто «между» качествами, не обладая ни одним из них.
2. Доминанта в описании – бесхарактерность, безликость.
3. Невыразительное, типичное, отчасти фиктивное имя.
4. Отсутствие сильных чувств, чрезмерных переживаний.
5. Функции персонажа:
  - a. Спутник-отражение главного героя романа.
  - b. Представитель безликой человеческой массы, толпы.

Существенно и неожиданно настойчивое проявление в драматических, сокровенных героях писателя – Александре Адуеве, Илье Обломове и Борисе Райском – черт героя «без личности». Сами схождения на уровне структуры описаний и приёмов создания образа названных персонажей с безликими фигурами Алексея и Аянова сложно мотивировать объективно. Сопоставление образа автора в эпистолярной Гончарова и образов его же героев позволяет сделать заключение о принципиальной важности для художника самобытности натуры, отстаивания личностью права на свой собственный путь и боязни обезличивания, которые Гончаров-человек ссудил персонажам. Во многом этими же причинами продуцируется целая галерея «срединных» героев, возникающих в романистике писателя. Показательно признание автора, сделанное им в статье «Лучше поздно, чем никогда»: сферу своей многолетней и постоянной деятельности он называет средним, чиновничьим кругом⁴. Вторая ипостась Гончарова как писателя (в его собственной терминологии – «артиста»), с одной стороны, требовала, с другой – давала возможность жить напряжённой, вдохновенной, упоительной жизнью.

Во втором параграфе «“Срединный” герой в романном мире писателя», состоящем из трёх разделов (по числу романов), анализируется тип «срединного» героя в романной трилогии И. А. Гончарова.

В первом разделе «Генезис “срединного” характера в романе “Обыкновенная история”» доказывается, что Пётр Иванович Адуев представляет собой типичного «срединного» героя с его характерными чертами: преобладанием в портрете лексем *правильность, норма, сдержанность*; неспособностью увлечься чем бы то ни было, одинаково ровным отношением ко всему; отсутствием сильных, выходящих за пределы нормального уровня, чувств. Кроме того, описание по принципу «ни то – ни то» сближает Адуева старшего с героем «без личности», что говорит о невозможности строго дифференцировать указанные типы героев в первом романе писателя.

---

⁴ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1977–1980. Т. 8. С. 108.

Характер Александра Адуева движется по определённой логике: от ощущения внутренней самобытности, предназначенности чему-то высшему – к языковым и поведенческим штампам, банальности, а следовательно, и ограниченности, которая прежде всего проявится на эмоциональном уровне, уровне чувствования. Более однозначным становится и Пётр Иванович от редакции к редакции, но не только он может быть назван «срединным» персонажем. Александр также компилирует в себе черты «срединного» героя и героя «без личности»: описание по типу «ни то – ни то», утрата способности увлекаться, проявлять повышенный уровень чувства. Попытка Александра выйти за пределы навязываемого ему образа домашней, привычной жизни связана с периодом влюблённости в Надиньку. Переехав в город, герой вынужден подчиниться влиянию дяди, его жизненному опыту, делая свой выбор в пользу проторенного чиновничьего пути. В финале романа Александр представляет собой во многом карикатурную копию Адуева-старшего.

В «Обыкновенной истории» тяготение к стабильности, норме, «срединность» оказались сильнее потребности человека совершить что-то выходящее за пределы унаследованного опыта, разомкнуть границы бытия, испытать себя. Жизненный путь Александра и Лизаветы Александровны отличают несамостоятельность, инфантильность, отчасти срежиссированность, заученность по сентенциям Петра Ивановича. Вероятно, по Гончарову, нельзя научиться устройству судьбы на чужом, пусть и разумном, опыте, жизнь нужно прожить самому, со всеми ее опасностями и рисками, а именно эту возможность отнимает у жены и племянника Адуев-старший.

Во втором разделе «Стратегии воплощения “срединного” героя в романе “Обломов”» выясняется, что образ А. И. Штольца, как и образ П. И. Адуева, от редакции к редакции всё более приближается к типу «срединного» героя, становится менее экспрессивным, теряет яркие черты. Один из самых положительных персонажей романного мира Гончарова оказывается мало в чём отличным от описанных в «Обрыве» «первых учеников» – тех, которые ни в чем и никогда не способны преодолеть тривиальный уровень жизни и чувствования, увлечься чем-то особенно. Однако в Штольце эпизодическое распадение типа «срединного» героя все равно происходит, и проявляется это во взаимоотношениях с Ольгой Ильинской, которая является женским вариантом «срединного» героя. В рассматриваемой парадигме «срединных» персонажей и персонажей со «стёртой» / отсутствующей личностью положение Обломова примечательно, поскольку в нём уживаются черты обоих типов.

Конфликт привычки к покойному следованию программе и стремления преодолеть установленный порядок вещей заложен еще в детстве Обломова и становится ясен из анализа 9 главы. Желание маленького Илюши вырваться из-под опеки перманентно наталкивается на «замыкающую» волю родителей. Во взрослом состоянии порыв уже не исходит от самого героя, только Андрей Штолец способен «вывести» его из круга привычного существова-

ния. И в случае Обломова выходом за пределы размеренного, сонного бытия становится любовь к Ольге Ильинской. На этом сходятся почти все исследователи, называя «поэму любви» испытанием. Герой же, оказываясь мгновениями способен на страсть, порыв, в итоге подчиняется прежней «программе» собственной жизни. Автор свидетельствует: для личностного самоопределения нужны более сильные и, главное, постоянные духовные усилия, позволяющие создать собственный мир и отстоять его.

Считается, что проблеме соотношения понятий страсти, любви и счастья в жизни человека И. А. Гончаров посвятил последний роман «Обрыв». Действительно, в завершённом виде концепция счастья-страсти представлена в теории Бориса Райского, но думается, что представления писателя о любовном чувстве, выходящем за пределы среднего «градуса» жизни, начали формироваться еще в романе «Обломов». Однако в исследованиях, посвящённых этому роману⁵, о страсти не говорится вообще, что на первый взгляд кажется закономерным. В «Обломове» и героя нет, которому были бы доступны глубокие, продолжительные переживания страсти – это вовсе не соответствует темпераментам ленивого Обломова, расчетливого Штольца и рассудительной Ольги. Однако мы считаем, что ослепление, «гроза», по выражению Райского, необходимы были и персонажам «Обломова»; и Штольца, и Ольгу, и даже Обломова любовь выводила за пределы привычного жизненного ритма, именно эти моменты переживались ими как наиболее счастливые.

«Срединный» герой Обломов, в характере которого заключён конфликт между ограниченностью жизненных усилий и желанием её преодолеть, через роман с Ольгой выходит из границ типа, но персонаж «не справляется с бурями» и подчиняется простому, ровному чувству к Агафье Пшеницыной. При этом любовь к Обломову, насколько это позволено характером, воспитанием и привычкой, преображает существование Агафьи Матвеевны.

Штолец и Ольга также моментами способны преодолеть границы своего типа, однако «свобода» всегда неокончательна, иллюзорна, что оборачивается душевным беспокойством, сомнениями в собственном будущем, отразившимися в «крымской» главе романа. Предчувствием несчастий и бед автор как будто демонстрирует, что сама жизнь неожиданным и жестоким вмешательством способна разомкнуть пределы тщательно оберегаемого частного мира.

В «Обломове» размышления И. А. Гончарова о природе счастья присутствуют эпизодически, гораздо позже, в романе «Обрыв» и автокритических статьях писателя, они оформятся в концепцию. Не в тишине и покое, но в преодолении границ обыденного, «среднего» существования, в поиске «другой» жизни, испытании себя видит Райский смысл и полноту человеческого

---

⁵ См. Одинокое В. Г. Психологическое и социологическое в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Одинокое В. Г. Типология русского романа: Гоголь, Гончаров, Чернышевский, Достоевский. Новосибирск, 1975. С. 64–80. Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров – романист и художник. М., 1992. Постнов О. Г. Эстетика И. А. Гончарова. Новосибирск, 1997.

бытия. Счастье в понимании героев «Обломова» имеет те же содержательные характеристики.

В третьем разделе «“Обрыв”»: роман о выборе “срединного” героя» завершается рассмотрение типологии героев романной трилогии.

Борис Райский в своей программе бытия – герой, принципиально чуждый любой «срединности». В этом смысле он очевидно противопоставлен Александру Адуеву и Илье Обломову, несмотря на всю преемственность типа. Однако жизнь персонажа в романе оказывается значительно сложнее его собственной программы.

Каждый женский образ «Обрыва» знаменует собой очередной этап поиска Борисом Райским идеала женщины. Идеала в понимании человека и художника. Первой в этом ряду является не Софья Беловодова, а – хронологически – Наташа. В героине акцентировано отсутствие упоения самим чувством бытия, с чем не может смириться Райский.

Софья Беловодова заявлена как персонаж «срединный», но образ выстраивается настолько схематично, что видится нам неким образцом, «нулевым уровнем», от которого писатель ведёт отсчёт характеров своих героев. Исследователи регулярно говорят об ограниченности Софьи, но не замечают тот же мотив в других персонажах. Важно, однако, акцентировать: даже Софья делает в романе слабую попытку преодолеть границы устойчивого, рассудочного бытия. Напомним, каким потрясением для всего дома Пахотиных стала невинная записка Софьи Николаевны, отправленная графу Милари. Это позволяет сделать вывод о том, что роман «Обрыв» целью имеет исследование перспективности самораскрытия героев через переживание неких крайностей жизни, нетипичных для себя обстоятельств. Не случайно и название произведения, которое по-разному трактуют, сходясь в одном: метафизическое значение понятия «обрыв» – обрушение, падение, катастрофа, а значит, и нарушение устойчивого порядка жизни.

Следующая попытка «просвещения» предпринята Райским в отношении Марфиньки. Однако в характере девушки настолько всё устойчиво, гармонично, что «проповедям» просто не за что зацепиться.

Бабушку Бережкову автор откровенно проводит через испытание страстью, за что читатели-современники сурово порицали художника («не пощадил бабушкины седины»). Уже словами Райского автор героиню, конечно, оправдывает, утверждая, что только теперь она обрела полноту характера и жизни, оформилась и завершилась, став для него одной из любимых. Тогда сама возможность испытать страсть указывает, по И. А. Гончарову, на масштабность образа. Именно поэтому писатель подчёркивает всепрощение и всепонимание Бабушки, подсвечивает образ авторитетом Богородицы.

То, что осталось предчувствием в Ольге Ильинской и невозможностью для Софьи Беловодовой, Наташи и Марфиньки, – выход за пределы устойчивой нормы бытия – основа характера Веры. Стремление нарушить декларируемую Бабушкой и окружающими жизненную стратегию отличает героиню

с детства. Борис Павлович откровенно определяет сближение образа Веры с образом бездны: «... ты красота красот, всяческая красота! Ты – бездна, в которую меня влечет невольно: голова кружится, сердце замирает – хочется счастья – пожалуй, вместе с гибелью. И в гибели есть какое-то обаяние...»⁶. В этом обнаруживается одно из схождений характеров Веры и Ольги Ильинской. О последней читаем в рукописной редакции «Обломова»: «... это бездна ума и сердца, которую Штольцу придётся наполнять и никогда не наполнить»⁷. Однако в образе Ильинской «бездна» – рудимент первоначально замысленной автором «страстной» героини⁸, в Вере – глубинная основа характера. Такое акцентирование семы «бездна» в натуре центральной героини «Обрыва» включает её в парадигму образов женщин-инфернальниц (Настасья Филипповна, Грушенька Ф.М. Достоевского) и *femme fatale* в произведениях русской литературы начала XX века.

Для каждого из героев Гончарова (Обломов, Ольга, Райский, Марфинька, Бабушка) бездна–обрыв–овраг – пространство периферии, оно опасное, отдалённое, чужое, но и манящее, искушающее – символ другой жизни. Персонажам «Обломова» достаточно эпизодического столкновения с бездной (означенной безумством страсти, разного рода соблазнами), чтобы понять: это не их путь. Райский о бездне теоретизирует, его желание быть сопричастным великой страсти, «празднику жизни» – суть стремление художника уследить за причудливой игрой собственной фантазии. В натуре Марфиньки страх превышает любопытство, отводит её от любого рискованного шага. Для Бабушки пространство обрыва – коррелят собственного неискуплённого греха, тяжелого опыта. У всех названных героев есть выбор, более или менее обусловленный характером и жизненными обстоятельствами – испытание бездны или отказ от неё.

Вере в таком выборе автор отказывает: героиня должна была пережить свою бездну, поскольку она – часть ее души. Тяготение к предельным переживаниям, воля, самостийность жизненной позиции делают возможными отношения Веры с Марком Волоховым в том виде, в котором они состоялись. Роман героев – и падение в бездну, и выход за грань обыденного, и испытание-самораскрытие.

Таким образом, исследование И. А. Гончарова приводит к выводу: человеку даны либо «среднее» счастье без катастрофы, либо вихрь счастья, но тогда и гибель, разрушение – бездна как своеобразная плата за него. Вечное пребывание на грани невозможно: заканчивается либо горение, страсть, либо человек. Добавим: с образом Марка связана социальная линия повествования. Нигилизм воспринимается современниками как преодоление общепри-

---

⁶ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т.7. С. 501–502.

⁷ Там же. Т. 5. С. 451.

⁸ Ларин С. А. Семантическая структура романа «Обломов» в контексте творчества И. А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 123.

знанного, нормального бытия. Новая жизнь – не что иное, как выход за грань «старой» правды и веры. Писатель неоднократно подчёркивает, что именно Волохов – резкое изображение крайностей в романе⁹. Следовательно, через образ Марка Гончаров показывает не только перспективу выхода за грань дозволенного в любви, но за грань привычного вообще. Образ героя аккумулирует мотив преодоления как такового, в итоге нигилиста ждет поражение на личном и социальном уровнях.

Последним в ряду «срединных» героев является Иван Иванович Тушин. Думается, что Тушин как «положительный» персонаж шагнул чуть дальше Штольца, в нем больше жизни, по крайней мере, ему знакомо увлечение, ощущение полноты бытия, отчасти сближающее его с Райским. Так, в финальном романе в облике положительного героя отразились черты драматичных гончаровских персонажей с их попытками вырваться за границы «срединного», обыденного существования, что, в общем, движет и Ольгой Ильинской, и Обломовым, и Верой, и Райским. Хотя проявления «безудержности» Тушина всё-таки внешние, поэтому и несколько условные, не могущие свидетельствовать об истинной широте натуры.

Итак, при анализе композиции системы персонажей трилогии Гончарова обнаружен еще один циклообразующий параметр – представление писателя о любви. Работа над «Обломовым» и «Обрывом» велась фактически параллельно: задуманы оба произведения ещё в конце 40-х гг. – даже будучи всецело поглощённым дописыванием «Обломова», Гончаров не забывает свой роман о Художнике. Не удивительно, что мировоззренчески «Обломов» и «Обрыв» оказались близки.

В романе «Обрыв» выявляется целая галерея «срединных» героев. Точкой отсчёта для писателя становится образ Софьи Николаевны Беловодовой с практически «нулевым» эмоциональным уровнем. Однако весь роман «Обрыв» является попыткой писателя исследовать возможности и последствия выхода человека за границы, определённые характером, воспитанием, социумом. Идеологом в этом отношении является Борис Павлович Райский, а собственной судьбой во имя страсти рискует Вера. Герой «без личности» на преодоление границ не способен. «Срединный» герой порывается изменить ритм существования, но проявляется это только эпизодически (Штолец, Ольга). Та необходимость упоения, ослепления любовью, которую искали герои «Обломова», под именем страсти стала основным содержанием «Обрыва».

В **Заключении** диссертационной работы суммируются результаты, подводятся итоги исследования, определяются векторы дальнейшего изучения темы.

В диссертации впервые выявлены и системно описаны субъектные и внесубъектные способы выражения авторской позиции в тетралогии И. А. Гончарова.

---

⁹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1977–1980. Т. 6. С. 426, 431.

В ходе разработки проблемы *автор и герой* в творчестве Гончарова выявлена устойчивая конструкция художественного мира писателя: центральное положение героя и его функция определять, концентрировать бытие вокруг себя. Данная модель представлена уже в первом романе и разнообразно варьируется в последующих текстах. Важно, что в «Обрыве» при сохранении общей композиции художественного мира есть содержательное изменение: в центре повествования утверждается Татьяна Марковна Бережкова, которая определена в статусе духовной матери. Материнское, богородичное призрение героиней всех обитателей Малиновки (даже враждебного ей Марка Волохова), стремление сберечь дом, очаг, каждого человека в нём позволяет автору символически завершить роман метафорой Бабушки–России. Попытки героя-мужчины реализоваться в центре современной Гончарову действительности оказываются несостоятельными: в лучшем случае персонажи довольствуются периферийной ролью «одного из многих», «такого как все», «обыкновенного», в худшем – остаются за бортом жизни вообще (Обломов погибнет, Райский так и не создаст ничего стоящего). Женщине-героине, напротив, даже волнующееся море социальных преобразований второй половины XIX века оставляет возможность самореализации в поле вечных ценностей – дома, семьи, материнства.

Авторская позиция в романной трилогии в том числе определила наличие двух типов персонажей – *героя «без личности»* и *«срединного» героя*. О релевантности выстроенной на основании текстологического анализа типологии характеров свидетельствует тот факт, что она отыгрывается писателем на персонажах всех уровней: от главных драматических образов трилогии до второстепенных и внесюжетных.

Наиболее значимые герои – Александр Фёдорович Адуев, Илья Ильич Обломов, Борис Павлович Райский – через использование сходных принципов создания образов сопрягаются с обезличенными Алексеевым и Аяновым, что позволяет сделать вывод о принципиальной важности для писателя вопроса самооценки личности. Стратегией художника становится настойчивая постановка проблемы отстаивания героем права на собственный, подчас ошибочный, жизненный путь, на выбор судьбы.

Второй сквозной стратегией И. А. Гончарова является изображение «срединного» героя в его мужской и женской ипостасях, отслеживание поведенческих механизмов, влияния такого персонажа на жизнь окружающих. «Артистическая» составляющая личности писателя, часто ускользающая от внимания окружающих, требовала преодоления Гончаровым в себе чиновника, филистера – мотив выхода из привычных границ собственного бытия становится одним из основополагающих в романной трилогии. Только искусство и любовь, как полагает автор, дают возможность испытать упоение жизнью, ощущение полноты каждого мгновения, поэтому практически всех «срединных» героев, даже тех, кому порывы, казалось бы, не свойственны, писатель заставляет эмпирически подтвердить общий закон.

Каждый из персонажей некоторыми сторонами своей личности сопрягается с натурой самого писателя (биографическая близость или общность психологических и поведенческих особенностей). Так, Александр и Пётр Адуевы отражают отчасти опыт писателя, начинавшего карьеру чиновником в Петербурге, проходившего по пути разочарования в юношеских романтических идеалах. Обломова автор наделяет другими собственными чертами. Только не ленью и неподвижностью, как принято считать, а необходимостью отстаивать самоценность собственной личности. Борис Райский близок автору-художнику чертами «артистической» натуры: экспрессивностью, силой неуёмной фантазии, проявлениями крайностей в характере.

В ходе исследования частичной корректировке подверглось ставшее традиционным утверждение о Гончарове как человеке «золотой середины». Подчеркнём, речь идёт не о тотальном пересмотре сложившегося в гончароведении образа писателя, но о выявлении существенных тенденций в характере, скрывающихся подчас за формализованным, традиционно-стереотипным восприятием. При этом было принципиально важно избежать вульгаризированного биографизма при выявлении сходжений между *конкретным автором*, образом автора и персонажами, имеющими автобиографические черты.

Одним из направлений исследования стала проблема разграничения Гончарова-человека и его художественных масок. Сложность заявленной проблемы определяется таким феноменом поведения писателя, как литературные мистификации, примеры которых многообразны: от имеющих указательную функцию прямых отсылок к именам героев до своеобразной «игры» с читателем – представления себя через героя, героя через себя и его как самостоятельного живого человека, действующего независимо от автора. Кроме того, произведения Гончарова дают ряд примеров самоизображения писателя: это литератор с апатическим лицом и сонными глазами в романе «Обломов», внешне равнодушный пожилой беллетрист Скудельников в «Литературном вечере», наделенный теми же апатичными глазами, и отчасти Тяжеленко в «Лихой болести». Всё это привело к возникновению устойчивых ассоциаций, закрепившихся в сознании окружения художника, и подчас преследовавших его самого. Более отчетливы здесь параллели Гончаров–Обломов и Гончаров–Райский. Наблюдается двоякая стратегия поведения писателя: сопротивляясь отождествлению, он в то же время не препятствует сравнению себя и героя, поскольку параллель часто оказывается оправданной. Но в случае с Обломовым не ленью, а ранимостью, болезненным желанием отстоять собственное Я в борьбе со стереотипом смыкаются натуры автора и персонажа. За личиной теряется истинный лик автора, а проблема непонимания экстраполируется в его художественные произведения.

Таким образом, анализ проблемы *автор и герой* в связи с творчеством И. А. Гончарова позволил, во-первых, целостно описать нарративную структуру тетралогии. Во-вторых, выявить значимые особенности поэтики произ-

ведений писателя. В-третьих, обнаружить не исследованный ранее уровень циклообразования: наличие устойчивой конструкции художественного мира и сквозной, кросс-романной, типологии характеров, которые в совокупности представляют внесубъектный способ отражения *авторского сознания* в тексте. В-четвёртых, показать сложность взаимодействия жизни и литературы, когда поведенческий и художественный тексты дополняют и комментируют друг друга.

Результаты диссертационного исследования позволяют утверждать актуальность и перспективность сегодняшних литературоведческих стратегий, в том числе нарратологии, для анализа классической литературы середины XIX века. За гранью нашей темы осталась малая проза писателя и особенно репрезентативная публицистика – статьи, посвящённые значимым фактам современной Гончарову культуры (литературы, театра и пр.). Продолжение исследования может идти как в русле монографическом (расширения списка привлекаемых для анализа текстов), так и в направлении сопоставительном – как работают выявленные принципы выражения авторской позиции на материале творчества других писателей.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. *Пинженина Е. И.* Мир в герое и герой вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Выпуск 33. «Филология. Искусствоведение». С. 92–96.
2. *Пинженина Е. И.* «Срединный» герой в романной трилогии И. А. Гончарова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2011. № 2 (16). С. 128–131.
3. *Пинженина Е. И.* Конструкция художественного мира в романной трилогии И. А. Гончарова // В мире научных открытий. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 7. С. 644–656.

Главы в коллективных монографиях:

4. *Пинженина Е. И.* Литературная «игра» в эпистолярной И. А. Гончарова // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 74–80.
5. *Пинженина Е. И.* «И утопия-то у тебя обломовская...»: мечта об обломовском мире в романе И. А. Гончарова «Обломов» // «Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX вв.»: коллективная монография. М.: Флинта, 2011. С. 85–98.

Публикации в других изданиях:

6. *Пинженина Е. И.* «Необыкновенная история» И. А. Гончарова: драма необретенной любви // Материалы XLV международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 26–28.
7. *Пинженина Е. И.* Личность И. А. Гончарова (опыт реконструкции) // «Молодежь и наука XXI века»: По материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 64–66.
8. *Пинженина Е. И.* Структура личности повествователя в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Материалы XLVI международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Литературоведение. Новосибирск: НГУ, 2008. С. 16–18.
9. *Пинженина Е. И.* Личность И. А. Гончарова в дореволюционной критике // «Молодежь и наука XXI века»: По материалам IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: В 2 ч. Ч. 1. Красноярск: КГПУ, 2008. С. 115–117.

10. *Пинженина Е. И.* Гончаров и Чацкий: проблема личности писателя в статье «Милльон терзаний» И. А. Гончарова // Сборник статей учёных Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Бишкек: КГУ, 2007. С. 75–82.
11. *Пинженина Е. И.* «Обломов» И. А. Гончарова: роман страхов // Школа и личность. Красноярск, 2007. С. 130–140.
12. *Пинженина Е. И.* Образ Тургенева в «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова // Спасский вестник: По материалам XIX Всероссийских Тургеневских чтений. Тула: ЗАО «Гриф и К°», 2008. Выпуск 15. С. 87–94.
13. *Пинженина Е. И.* Феномен героя-борца в критическом наследии И. А. Гончарова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2008 (2). Красноярск, 2008. С. 136–141.
14. *Пинженина Е. И.* Личность и образ И. А. Гончарова: проблема мистификаций писателя // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3 (Март). С. 111–113.
15. *Пинженина Е. И.* Детство Ильи Обломова и Никанора Затрапезного: литературная традиция и авторская индивидуальность в романах «Обломов» И. А. Гончарова и «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Универсалии культуры. Вып. 2. Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сборник научных трудов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. С. 103–118.
16. *Пинженина Е. И.* Концепт «счастье» в понимании героев романа И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2009 (2). Красноярск, 2009. С. 21–27.
17. *Пинженина Е. И.* Образный ряд эпистолярия И. А. Гончарова // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2009. С. 141–144.
18. *Пинженина Е. И.* Некоторые проблемы поэтики романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история»: «ограниченность» и «безграничность» // Универсалии культуры. Вып. 3. Измерения литературного текста: поэтика, история, философия: сборник научных трудов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 92–109.
19. *Пинженина Е. И.* Типология героев в романном мире И. А. Гончарова // «Бессмертие народа – в языке»: материалы Дней русской словесности в г. Красноярске. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 251–263.
20. *Пинженина Е. И.* Этюд И. А. Гончарова о картине И. Н. Крамского «Христос в Пустыне» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск-СПб.: Алетейя, 2011. С. 120–131.

Подписано в печать 23.08.2011 г.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 1,3
Тираж 100 экз. Заказ № 4695

Отпечатано:
Полиграфический центр Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а